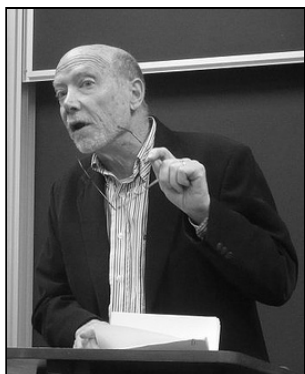

Натурализм как антикантианство

Том РОКМОР

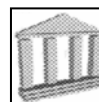

В статье предлагается исторический обзор натуралистских подходов в эпистемологии. Автор представляет натурализм, в том числе и современный, как ряд прямых или опосредованных откликов на кантовский антинатурализм. Рокмор критикует натурализм, утверждая, что в его основе лежит предпосылка о возможности правильной репрезентации мира. И поскольку до сих пор ни Канту, ни кому-либо еще не удалось показать, как представить мир таким, какой он есть, он заключает, что натурализм также не справляется с этой задачей.

Ключевые слова: натурализм, антикантианство, аналитическая философия, прагматизм, естественные науки.

Термин «натурализм» используется в нескольких различных смыслах и в целом обозначает антикантианский подход, очень популярный в настоящее время в эпистемологии и философии науки. В эпистемологической перспективе интерес натурализма можно обозначить как притязание (которое опять же можно по-разному формулировать) дать лучшее, чем предшествующие подходы, объяснение проблемы знания.

В данном обсуждении натурализма стандартом для меня является Кант. Кант, как наиболее типичный антинатуралист, формулирует трансцендентальный подход к проблеме знания.

Он предложил очень влиятельную концепцию эпистемологии, основой которой является априорный, антипсихологистский подход, отрицаемый натурализмом. Натурализм, существовавший, согласно некоторым его интерпретациям, еще до Канта, возвращается в новой форме после критической философии.

В основном – хотя есть и исключения – философия после Канта представляет собой реакцию на, а чаще – против критической философии. Современный натурализм возникает как ряд прямых или чаще опосредованных откликов на кантовский антинатурализм. Как ответ Канту натурализм возник в различных формах изначально в середине 19 века и затем позже в середине прошлого столетия.

ЧТО ТАКОЕ НАТУРАЛИЗМ?

Мы можем начать с прояснения идеи натурализма, что сложнее, чем кажется на первый взгляд. «Натурализм» сам по себе не является термином естественных видов и, таким образом, значит не больше и не меньше, чем то, что его адепты под ним подразумевают, и неудивительно, что его значение отличается для разных наблюдателей. Этот термин используется во многих лишь отчасти пересекающихся смыслах.

Минимальный консенсус можно выразить тезисом о том, что «натурализм» означает «все является природным (естественным)». Если все принадлежит природе, то следовательно может изучаться научными методами, соответствующими природе. Нет ничего сверхприродного, и не нужны никакие иные методы для объяснения случаев, кажущихся исключениями. Понятый таким образом натурализм предполагает, что не существует ничего, что не охватывалось бы пределами современной науки. Не следует путать натурализм с сциентизмом, который можно определить как представление о том, что естественная наука является единственным источником знания, а также с физикализмом – доктриной о том, что все в мире является физическим, или экстенсионализмом – близкой ему доктриной о том, что экстенционал термина – это класс предметов, составляющих его референцию. Натуралисты не обязательно являются материалистами, но натурализм близок к материализму, если понимать эту доктрину не как, скажем, приверженность демокритовскому атомизму, но скорее как тезис, что то, что существует, может изучаться современной наукой. Тем не менее, в большинстве своих вариаций натурализм разделяет с материализмом антикартезианское отвращение к духовной субстанции или чему-либо другому сверхприродному как объяснительной категории для природы в любом из возможных смыслов.

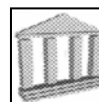

Полезное обобщение натурализма предложил Артур Данто: «Естественная причина – это естественный объект или эпизод в истории естественных объектов, способный вызвать изменение в другом естественном объекте. Каждый естественный объект обязан своим существованием, длительностью и исчезновением постоянному воздействию на него естественных причин, и только обращением к естественным причинам мы объясняем изменения в поведении естественных объектов. Такое объяснение может требовать обращения к объектам, не данным нам в непосредственном опыте, но они будут тем не менее естественными объектами, и нам никогда не нужно выходить за пределы системы естественных объектов для объяснения того, что в ней происходит. Отсылка к неестественным объектам никогда не принимается в качестве объяснения»¹. Из этого утверждения я вывожу пять утверждений, которые обычно принимаются большинством натуралистов.

1. Натурализм предполагает, что природа – это ограниченная самой собой (self-enclosed) сущность.
2. Природа должна изучаться методами естественных наук.
3. Положения, доступные для познания, являются истинными или ложными и могут быть проверены эмпирически.
4. Допускается введение теоретических сущностей, используемых в естественных науках, например, субатомных частиц, таких как адроны или знаменитые ускользающие бозоны Хиггса.
5. Не допускается введение сверхъестественных теоретических сущностей, таких как душа, энтелехия, вещь в себе, жизненный порыв (*élan vital*) и тому подобных факторов.

Каждый из этих тезисов является спорным. Сомнительно, во-первых, утверждение о том, что природа может быть фактически понята как сущность, ограниченная самой собой и полностью объяснимая на естественно-научных основаниях. Борьба между натурализмом, который понимается как объяснение природы единственно на основе естественной науки, и сверхнатуралистскими (*supra-naturalistic*) объяснительными альтернативами восходит к древнегреческой философии. Ранняя греческая наука может быть описана как попытка понять мир в чисто натуралистских терминах, кульминацией чего стало возникновение ранних форм научной каузальности. В «Федоне» Платон указывает на невозможность объяснить мир на основе неопределенной (*non-specific*) каузальности естественных наук (этот тезис впоследствии принимает и Гегель), что привело его к созданию

¹ Danto A. Naturalism // Encyclopedia of Philosophy (ed. Paul Edwards). New York: Macmillan, 1967. Vol. 5. P. 448.

теории идей, согласно которой красивые вещи являются красивыми в силу того, что они участвуют в прекрасном самом по себе².

Общего согласия о так называемых методах естественных наук, которые очевидно могут быть изменены без предварительного уведомления, не существует. Поскольку прийти к некоторому окончательному варианту естественной науки, определив то, каким является независимый от сознания мир, невозможно, в любой конкретный момент методы естественных наук – это процедуры, признаваемые приемлемыми теми, кто вовлечен в науку.

Утверждая, что все положения, доступные для познания, являются истинными или ложными и могут быть проверены эмпирически, натуралисты отходят от Канта, являющегося, по всей видимости, наиболее значимым антинатуралистом Нового времени. Ниже я еще вернусь к этому пункту.

Четвертый и пятый тезис являются взаимодополняющими и различаются тем, что допускают обращение к сверхопытным сущностям одного типа, но не другого. Кажется, что принятие субатомных частиц, таких как кварки³, которые не даны в опыте и, возможно, не существуют, но полезны для объяснительных целей современной естественной науки, и отрицание обращения к другим объяснениям, таким как дух, разум и даже сознание, являются совершенно произвольными. Естественная наука в своем развитии ранее прибегала к понятию эфира и возможно снова обратится к нему, таким образом, оказывается, единственное, что обосновывает обращение к определенным объясняющим факторам, это некий нечеткий принцип прагматической полезности.

По всей видимости, концепция души была изобретена в Древней Греции Сократом, бросившим вызов античной науке. Два тысячелетия спустя Декарт, живший во времена зарождения современной науки, считал, что душа, которую Райл пренебрежительно называл «духом в машине»⁴, выполняет подлинную объяснительную функцию. Еще недавно идея о том, что сознание не является мозгом, была под пристальной атакой неистовствующего редукционизма в философии сознания⁵. Насколько я понимаю, никакие из недавних попыток избавить

² Платон. Федон // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т.2. М., 2003. С. 100.

³ См.: Pickering A. Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

⁴ См.: Ryle G. The Concept of Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

⁵ См.: Churchland P. M. The Engine of Reason. The Seat of the Soul: A Philosophical Journey into the Brain. Cambridge: MIT Press, 1995.

ся от этого или ему подобных понятий не оставляют возможности объяснить то, что нам известно о действии.

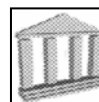
КАНТ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОСТКАНТИАНСКОГО НАТУРАЛИЗМА

Как реакция на Канта натурализм возникал, по меньшей мере, дважды в различных, тем не менее связанных между собой формах. Кант придерживается ненатуралистского подхода к эпистемологии. Его антинатурализм основывается на трех важных моментах, относительно природы субъекта. Во-первых, знание ограничено только видимостью в противопоставление реальности, поскольку мы не знаем и не можем знать природу, как она есть на самом деле. По большей мере мы можем успешно представлять видимость, но не реальность. Для знания требуется опыт, а вещи в себе, или мир как он есть независимо от сознания, по определению не могут быть даны в опыте, соответственно, мы не можем их познать.

Во-вторых, Кант отказывается от модели британского эмпиризма с ее фаллибилистскими когнитивными предпосылками в пользу картезианского стандарта знания. Он считает, что эпистемологические утверждения должны быть сформулированы как аподиктические, не подверженные пересмотру, априорные, и, следовательно, как предшествующие опыту и независимые от него, при помощи анализа, наиболее важной иллюстрацией которого является трансцендентальная дедукция. Натурализм совершает возврат к докантовскому эмпиризму, рассматривая философию как продолжение науки и, таким образом, признавая науку легитимным источником знания. Он отрицает и представление об априорном знании, а значит, само понятие аналитической истины, а также идею философского основания естественных наук, связанную с ним.

Натурализм отвергает тезис Канта о том, что различие между видимостью и реальностью не позволяет нам утверждать, что мы знаем реальность, рассматривая природу или реальность, по Пирсу, как результат – каким бы он ни был – научного прогресса в отдаленной перспективе⁶. Далее, натурализм отрицает кантовское представление об аподиктичности как критерии знания, которое является основой ап-

⁶ См.: Pierce C. S. Nomenclature and Divisions of Triadic Relations, as Far as They Are Determined // Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Bloomington: Indiana University Press, 1998. II. P. 298.

риористского подхода. Вместо него, он выдвигает апостериорный подход, всегда предполагающий, что знание может быть пересмотрено, что непересматриваемого знания не существует. С натуралистской точки зрения философия теряет статус необходимого основания науки, который она сама себе приписывала, начиная с Платона и заканчивая Кантом, так как философия и естественные науки являются одинаковыми, а не различными по своей природе.

В-третьих, Кант проводит базовое различие между эпистемологическим субъектом и конечным по своей природе человеком, предвосхищая сложность, известную со времен Фреге под именем «психологизм». В концепции трансцендентального единства апперцепции, также называемой концепцией изначального единства апперцепции, он проводит строгое различие между философским субъектом, которого он описывает в терминах эпистемологической способности всегда сопровождать представления, и конечным субъектом-человеком. Я вернусь к этому пункту ниже.

Кантовская критическая философия лежит в основе его положения о превращении философии в науку, производящую обоснованные утверждения посредством трансцендентального метода. Позже возникает натурализм, опровергая этот тезис и пересматривая критическую философию. Можно выделить две волны посткантианского натурализма: первая возникла после смерти Гегеля в 1831 как часть антиидеалистской реакции, она также привела к немецкому неокантианству и натурализму, вторая – после Фреге как эволюция англо-американской аналитической философии.

Кантовская критическая философия, посткантианский немецкий идеализм, постгегельянское возвращение к Канту и постгегельянский натурализм пытались представить философию как науку, способную производить обоснованные утверждения. С точки зрения этих наследников немецкого идеализма, Кант указал направление для формулировки научной философии, но не преуспел в этом, поскольку его попытка сформулировать чисто научную теорию знания оказалась неудачной.

Посткантианский немецкий идеализм может рассматриваться как попытка продолжить и дополнить кантовскую копернианскую революцию в соответствии с ее духом и, если необходимо, против ее буквы. Ее результат, даже если и может рассматриваться как кантианский по духу, явно противоречит критической философии. Это привело после вмешательства Либмана и других к возвращению от Гегеля к Канту в немецком неокантианстве вновь с акцентом на эпистемологическом прочтении Канта. К постгегельянским немецким неокантианцам относится широкий круг мыслителей, среди которых Герман Коэн, чей интерес лежал в области эпистемологии, Эрнст Кассирер, более всего сосредоточенный на символических формах; Вильгельм Виндельбанд,

занимавшийся ценностями. Что касается марбургской школы, основным интересом которой была эпистемология, то возвращение к Канту имело здесь два аспекта: возвращение к Канту с целью направить философию на надежный путь к науке, т.е. та самая тема, которую Кант подчеркивал в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», и исследование условий трансцендентального метода⁷.

Кантовский интерес в философии природы (натурфилософии) наследуют посткантианские идеалисты, за исключением Фихте. Уже в своей первой философской публикации «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга» Гегель принимает сторону Шеллинга, а не Фихте, во взглядах на философию природы. Наблюдатели, согласные в том, что растущее недовольство идеалистической натурфилософией оказало влияние на скорое неприятие идеализма, расходятся во взглядах на причины этого. Согласно Гадамеру, Гегель в своей натурфилософии «делает предписания науке», которую он включает в свою априорную систему⁸. Все же понятие предписывания науке остается непонятным – Гадамер не приводит примеров – и позиция Гегеля, в отличие от позиции Канта, является не априорной, а апостериорной.

Слуга выдвигает более приемлемый тезис, что дедуктивная процедура идеалистской натурфилософии была отвергнута на философских основаниях, например, Александром фон Гумбольдом и на научных основаниях такими учеными-естественниками, как Иоганн Мюллер и Юстус Либих. Результатом этого стал поворот от идеализма к материализму и от априорного размышления к эмпиризму, ведущему к научному натурализму⁹. Последний солидарен с идеализмом относительно единства знания и отсутствия четких границ между философией и наукой¹⁰, но расходится с ним в том, что подчеркивает фундаментальность радикального эмпиризма в противовес априорному размышлению и логическим верованиям, а также в том, что выводит понятия из ощущений¹¹.

Согласно позиции Слуги, отрицание идеалистской натурфилософии мотивирует поворот от идеализма к материализму, продвигая

⁷ См.: Natorp P. Kant und die Marburger Schule. Reuther und Reichard. 1912.

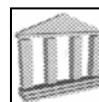
⁸ См.: Gadamer H-G. Reason in the Age of Science. Lawrence. Cambridge: MIT Press, 1996. P. 25.

⁹ Sluga H. Gottlob Frege. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. P. 14.

¹⁰ Ibid. P. 36.

¹¹ Ibid. P. 18.

эмпиризм вместо априорного подхода и провозглашая науку главным источником знания. Этот тезис находит подтверждение в марксизме,

который Энгельс изобрел как предполагаемый способ разрешения философских проблем на сверхфилософском эмпирическом основании. Согласно Энгельсу, марксизм подчеркивает радикальный эмпиризм и единство знания, а также превосходство материализма над идеализмом, непосредственного опыта над абстрактным мышлением, отличаясь, пожалуй, только представлением о том, что материализм располагается за пределами философии¹².

КАНТ И НАТУРАЛИЗМЫ XX ВЕКА

Кант является также центральной фигурой для появления натурализмов XX века, основные формы которых возникли в результате отрицания базовых доктрин критической философии. Для главных философских направлений XX века (марксизма, англо-американской аналитической философии, американского прагматизма, так называемой континентальной философии, включая Гуссерля и постгуссерлианскую феноменологию в более широком смысле) характерно независимое друг от друга развитие и практически отсутствие ссылок на другие формы мысли¹³. Аналитики реагируют на других аналитиков, континентальные мыслители читают других континентальных мыслителей. Минули дни, когда Кассирер был специалистом во всех философских (и научных) спорах.

В XX веке независимо друг от друга развились две главные формы натурализма, которые, в целях данного исследования, я буду называть американской неаналитической и аналитической философией. Я буду рассматривать эти две формы натурализма по отдельности, поскольку они, по всей видимости, возникли независимо друг от друга и вращаются на разных и мало связанных друг с другом орбитах. Дискуссии в рамках неаналитического американского прагматизма иногда фокусируются на Сантаяне и Дьюи¹⁴. Фактически же, неаналитический натурализм гораздо шире и охватывает, по меньшей мере, прагматизм в целом, также как и Сантаяну, которого сложно классифицировать.

¹² Engels F. *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. New York: International Publishers, 1941.

¹³ См.: Rockmore T. *In Kant's Wake: Philosophy in the Twentieth Century*. Oxford: Blackwell, 2006.

¹⁴ См.: Guinlock J. *Naturalism // American Philosophy: An Encyclopedia* (ed. by John Lachs and Robert Talisse). New York: Routledge, 2008. P. 530–532.

«Натурализм» иногда используется, чтобы описать ряд неаналитических позиций, таких как концепция Баклера¹⁵ и особенно американский прагматизм, который является строго антикантианским¹⁶.

Прагматизм был основан Ч. Пирсом в серии плодотворных статей (1877–1878), содержащих критику Декарта и, следовательно, созерцательной теории познания, под которой понимается подход к эпистемологии, предполагающий отдельную, дедуктивную цепь размышлений, ведущую к аподиктическому, непересматриваемому результату. Пирс, являвшийся фаллибилистом, разрабатывает концепцию знания как непрерывного колебания между сомнением и устойчивым верованием, которое является результатом совместного предприятия. Пирс, отвергая как идею авторитета, так и априорное размышление, а следовательно, кантианский подход, предлагает научный метод фиксации верований о реальных вещах, независимых от наших представлений о них¹⁷. Он отстаивает «принцип прагматизма» – тезис о том, что наше понятие об объекте – это его практические следствия¹⁸.

Пирсовская версия прагматизма является антикантианской, экспериментальной, строго апостериорной, а значит, эмпирической, основанной на полном принятии преимуществ современной науки как основного современного источника знания. Он оставляет бесплодные попытки описать реальность, независимую от сознания. В новом определении реальности как следствий объекта исчезает каноническое кантовское различие между видимостью и реальностью.

Поздние американские прагматисты, включая Джеймса и особенно Дьюи, представляют собой вариации пирсовского антикантианства, натуралистского взгляда на прагматизм. Дьюи знаменит отрицанием идеи общей теории познания. Книга «Логика: Теория исследования» (1938) представляет полноценную натурализованную эпистемологию, для которой эпистемологические принципы являются результатом решения конкретных проблем реальной жизни¹⁹. Дьюи, отстаивавший идею нередуктивного единства эпистемологии и науки, считал, что дескриптивная наука может иметь нормативные импликации и эпистемология может изучать, пользуясь методами и результатами науки.

¹⁵ Singer B.J. *Original Naturalism: An Introduction to the Philosophy of Justus Buchler*. Lewisburg: Bucknell University Press, 1983.

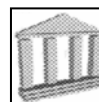
¹⁶ Eames S.M. *Pragmatic Naturalism: An Introduction*. Southern Illinois University, 1977.

¹⁷ *The Fixation of Belief* // *Essential Peirce* (ed. by Nathn Houser and Christian Kloesel). Bloomington: Indiana University Press, 1992. I. P. 109–123.

¹⁸ Пирс Ч.С. *Как сделать наши идеи ясными* // *Вопросы философии*. 1996. № 12. С. 120–132.

¹⁹ Dewey J. *Logic: The Theory of Inquiry*. Holt. Rinehart and Winston. New York, 1938.

Прагматизм, который по-прежнему близок к тому, что можно называть стандартным антикантианским эмпиризмом, отличается в этом отношении от других форм неаналитического натурализма. Примером может быть сборник статей пятнадцати известных американских фи-

лософов, опубликованный под заглавием «Натурализм и человеческий дух»²⁰. Артур Мерфи в своей рецензии на этот сборник пишет: «Ответ, который, кажется мне, в целом наиболее удачно описывает статьи этого сборника таков. Начиная с уже признанных достижений научного исследования, «натурализм» стремится показать, что те же самые методы или другие сущностно родственные им, адекватны также для тех аспектов и измерений «человеческого духа», которые в прошлом на философских основаниях часто считали выходящими за пределы методов и целей науки»²¹. Обращаясь к человеческому духу, авторы этого сборника очевидным образом продвинулись за пределы узкоограниченной формы обычного натурализма, который запрещает обращение к чему-то, лежащему за теми пределами, которые естественная наука сама на себя налагает.

Даже в большей степени, чем прагматизм, натурализм строго отождествляется с аналитической философией. Согласно Киму, которого можно считать компетентным наблюдателем, натурализм – это идеология современной аналитической философии²². Но Фридман, который является не менее компетентным, считает, что философский натурализм исчерпал себя и не является перспективной позицией²³.

Натурализм сыграл решающую роль в оживлении аналитической эпистемологии. Эпистемология переживала закат после Фреге, который повернул внимание от обоснования к проблемам языка – особенно референции – через его знаменитое различие между смыслом (Sinn) и референцией (Bedeutung).

Аналитический натурализм сфокусирован на этике и эпистемологии. Принято считать, что Фреге разделял кантовский априоризм и антипсихологизм, но не его подход к эпистемологии. Как и Кант, Фреге считал, что обоснование математических истин должно быть математическим и непсихологистским. Как и Кант, он выступал против пси-

²⁰ Naturalism and the Human Spirit (ed. by Yervant H. Krikorian). New York: Columbia University Press, 1944.

²¹ Murphy A. E. Review of Naturalism and the Human Spirit // Journal of Philosophy 42 (1945). P. 405.

²² Kim J. The American Origins of Philosophical Naturalism // Journal of Philosophical Research. 2003. Philosophy Documentation Center. P. 83–98.

²³ Friedman M. Philosophical Naturalism // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. Vol. 71. No. 2 (Nov. 1997). P. 5–21.

хологизма, который он, как хорошо известно, подверг критике в лице Гуссерля. Он занимает сторону Канта, а не Милля, принимая тезис о том, что математика является априорной.

Тем не менее, между их подходами есть много различий, например, в отношении к логике и математике. Кант, считавший, что логика была полной уже во времена Аристотеля, полагался на традиционный

аристотелевский силлогизм. Фреге произвел революцию в логике, создав теорию квантификации. Он критикует кантовское представление об арифметике, при этом соглашается с его взглядами на геометрию. Кант считает арифметические истины синтетическими априорными суждениями. Фреге, отстаивал концепцию логицизма, т.е. полагал, что арифметика может быть сведена к истинам логики. Он утверждал, например, что Кант был прав относительно геометрии, но арифметика является аналитическим *a priori*, т.е. построена на несинтетических аналитических истинах²⁴.

Фрегевский поворот к языку традиционно рассматривается как свержение эпистемологии в пользу философии языка²⁵. Он вдохновил строгий антинатурализм Витгенштейна, очевидный в его раннем творчестве периода Трактата. Это касается, к примеру, строгого различия между философией и естественными науками, между философией и психологией, ограничением сферы деятельности философии лишь логическим прояснением, отрицанием философской значимости дарвиновской теории и т.д. Методологическая установка, которую он вдохновил, становится эксплицитной в тезисах Трактата²⁶.

Фреге, полагавший, что существует строгое различие между психологическим и логическим или субъективным и объективным, четко утверждает, что априорное обоснование не является психологическим и не может быть ошибочным. Его влияние сохраняется в аналитической философии, которая противопоставляя себя ему, возвращается к рассмотрению эпистемологии с психологистской, эмпиристской точки зрения – столь же антикантианской, как и антифрегеанской.

Переход от Фреге к постфрегеанскому натурализму стал возможен благодаря нескольким факторам. Один – это возрастающее недовольство формальным решением семантических проблем, которое было центральным для Фреге. Куайн – наиболее значимый аналитический мыслитель второй половины XX века – берет антифрегеанский

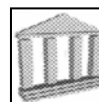
²⁴ Frege G. *The Foundations of Arithmetic* (translated by J. L. Austin). New York: Harper, 1950. P. 20-21. 118.

²⁵ Dummett M. *Frege and the Philosophy of Language*. New York: Harper and Row, 1973.

²⁶ Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* // Л. Витгенштейн. Избранные работы. М., 2005. Тезисы 4.111 1, 4.112, 4.1121, 4.1122.

курс, отрицая фрегевский подход к референции²⁷ и возвращаясь к Миллю, эксплицитно принимая психологизм. Вторым фактором стала так называемая проблема Геттиера. Геттиер описывает ситуации, в которых субъект имеет истинное обоснованное мнение, но не имеет знания²⁸.

Эти и другие факторы позже привели к полноценному психологистскому подходу в эпистемологии, противоречащему как фрегеанским,

так и кантианским взглядам. Голдман, к примеру, утверждает, что знание требует каузальной связи между отдельным убеждением и обстоятельствами, которые позволяют нам принимать это убеждение как истинное²⁹. Он развил это представление в релейабилизме, который восходит к платоновскому анализу истинного обоснованного мнения в «Теэтэте». Релейабилизм – это подход к эпистемологическому обоснованию, который может быть описан как утверждение, что человек S знает пропозицию P, только если S верит, что P, и P истинно³⁰. Усилия Голдмана и других повысить надежность наших когнитивных процессов, очевидно, идут в разрез с кантовским представлением о знании как основанном на синтетическом априорном обосновании, которое в силу своей необходимой истинности не может быть ложным.

КУАЙН И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ НАТУРАЛИЗМ

Современный аналитический натурализм включает Куайна, Голдмана, Дрекке, Лаудана, Китчера и других³¹. Такие авторы, как Фред Дрекке и Элвин Голдман, сосредоточены на пересмотре фрегеанского запрета на психологию в рамках эпистемологии. Другие, такие как Ларри Лаудан, делают акцент на невозможности развивать эпистемологию априори, не принимая во внимание, как реальные исторические личности в действительности осуществляли исследование. Китчер связывает эпистемологию с историей науки, развивая версию натурализма, которая объединяет оба направления. В своем последующем

²⁷ Quine W.V.O. The Roots of Reference. La Salle. IL: Open Court, 1973.

²⁸ Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 23. 1963. P. 121–23.

²⁹ Goldman A. A Causal Theory of Knowing // Journal of Philosophy. 64. 1967. P. 355–372.

³⁰ Goldman A. What Is Justified Belief? // G. Pappas (ed.). Justification and Knowledge. Dordrecht: Reidel, 1979.

³¹ Общий обзор натурализма с аналитической точки зрения представлен в.: Kitcher P. The Naturalists Return // Philosophical Review. 101. 1.1992. P. 53–114.

изложении я сосредоточусь на Куайне, который является центральной фигурой в современном аналитическом натурализме, хотя исследователи и расходятся в интерпретации его позиции.

Основа взглядов Куайна дана в «Двух догмах эмпиризма» (1951), возможно самой влиятельной статье аналитической философии двадцатого века, хотя собственно эти взгляды были представлены лишь позднее в «Натурализованной эпистемологии» (1969). В первой работе Куайн критикует две центральные позитивистские доктрины: различие между аналитическими и синтетическими истинами и редукционизм.

Он подвергает сомнению центральную для Канта идею о том, что суждения, претендующие на статус знания, необходимым образом принимают форму априорных суждений, и тем самым делает шаг в направлении психологического подхода. Согласно Фреге, описание психологического происхождения идеи не имеет отношения к ее обоснованию³². Куайн и (под его влиянием) Кун разрабатывают антифрегеанскую идею о том, что эпистемический статус состояния верования зависит от психологического процесса, который производит и поддерживает его. Куайн развивает эту идею в бихевиористский подход к теории познания, в конечном итоге, опирающийся на схему стимул-реакция в отношении к опыту. Куайн, будучи бихевиористом, тем не менее, занимает позицию эпистемологического холизма, которую противопоставляет позитивистской эмпирической теории верификации, т.е. отрицает, что изолированные утверждения могут получать подтверждение или опровержение. Он следует Пьеру Дюгему, утверждая, что «наши предложения о внешнем мире проходят проверку опытом не по отдельности, а как одно целое»³³.

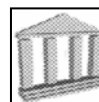
Натурализованная эпистемология – это не какой-то один тезис, а скорее ряд связанных воззрений, рекомендуемых разные формы отношения эпистемологии к естественной науке. В «Натурализованной эпистемологии» Куайн предлагает заменить нормативную эпистемологию эмпирической психологией, понимаемой как часть эмпирической науки. Согласно Куайну, эпистемология занимается основаниями науки, но попытки вывести предложения о мире из предложений о восприятии оказываются безуспешными. Он здесь имеет в виду карнаповскую рациональную реконструкцию с опорой на его так называемую протокольную теорию. Куайн, принимая критический аргумент Нейрата³⁴, соглашается с ним в том, что утверждения, претендующие

³² Frege G. Op.cit. P. xviii.

³³ Quine W.V.O. Two Dogmas of Empiricism // From A Logical Point of View. New York: Harper, 1961. P. 41.

³⁴ Neurath O. Protocol Sentences// Logical Positivism (ed. by A. J. Ayer). New York: Free Press, 1959. P. 199–208.

на статус знания, не могут быть обоснованы в картезианском смысле. Вместо этого он предполагает, что эпистемология должна быть поглощена психологией³⁵. Результатом этого стала концепция знания как верований, принимаемых только благодаря конвенции. Куайн пишет: «Эпистемология или что-то вроде этого, просто является разделом психологии, и, следовательно, естественной науки. Она изучает естественный феномен, а именно человека с физической точки зрения. Этот субъект настроен на определенные экспериментально фиксируемые данные – например, на определенные образцы излучений соответствующих частот, – и при наличии достаточного времени субъ-

ект в качестве данных на выходе предоставляет описание трехмерного внешнего мира и его истории. Отношение между этими скудными входными данными и целым потоком выходных данных – это отношение, которое мы стремимся изучать на примерно с теми же основаниями, что всегда побуждали эпистемологию: а именно для того, чтобы увидеть, как теория соотносится со имеющимися свидетельствами и каким образом чья-то концепция природы выходит за пределы любых доступных свидетельств... Но явное различие между старой эпистемологией и эпистемологическим проектом в этой новой психологической формулировке состоит в том, что мы можем теперь свободно использовать эмпирическую психологию»³⁶.

Позиция Куайна вызвала большие споры. Ким указывает, что отрицаемая им эпистемология ставит вопросы о рациональности, обосновании и знании, но он фокусируется на вопросе о том, могут ли наши базовые свидетельства служить обоснованием наших убеждений о мире³⁷. Это различие касается не только Куайна, но и любой формы натурализма. Сложность состоит в выборе между утверждениями о том, что знание может быть достигнуто априорной плоскости, до опыта и независимо от него (кантианский вариант), и о том, что оно может быть достигнуто только в апостериорной плоскости, т.е. через опыт. В первом случае, эпистемология независима от наблюдателя, а следовательно, психологии, но во втором – знание зависит от человеческой субъективности. С кантианской точки зрения, трансцендентальный подход жизнеспособен, так как он, по крайней мере, в принципе способен выработать общие условия для эпистемологии. Однако

³⁵ Quine W.V.O. *Epistemology Naturalized // Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press, 1969. P. 75.

³⁶ Quine W.V.O. *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press, P. 82–83.

³⁷ Kim J. *What is Naturalized Epistemology? // Philosophical Perspectives* 2. (ed. by James E. Tomberlin). Asascadero. CA: Ridgeview Publishing Co., 1988. P. 390.

с точки зрения натурализма, самое большее, чего мы можем достичь, это выработать общие концептуальные каркасы, не поддающиеся проверке опытом по частям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

НАТУРАЛИЗМ КАК АНТИКАНТИАНСТВО

Натурализм, очевидно, имеет разные значения для разных наблюдателей, общая суть его притязаний может быть описана как поворот к докантианскому, а в действительности даже доплатоническому, под-

ходу к знанию с акцентом на единстве философии и науки, эмпирическом подходе к природе и науке как главном и даже единственном когнитивном ресурсе. Натурализм принимает убеждение досократиков, что природа может быть объяснена в терминах научной каузальности.

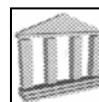
Кантовский ответ заключается в указании на то, что после Юма знание, которое вообще имеет смысл обсуждать, требует каузальной необходимости, которая не может быть выведена из опыта. Посткантовский натурализм отбрасывает требование необходимости, возвращаясь к различным формам эмпирического подхода к знанию с акцентом на неразрывности эпистемологии (и философии) и естественной науки. Сложность этого подхода лежит в обосновании положений, доступных познанию, через вновь обретенный союз между эпистемологией (и философией) и естественными науками.

Побуждение натурализма – часть старого стремления, интерес к которому мы обнаруживаем и у Гуссерля, трансформировать философию в науку. Кант – один из тех, кто продвинулся дальше всех в трансформации философии в науку. Тем не менее, натурализм отрицает тезис о том, что критическая философия является научной, и замещает его новым представлением о знании, основанным на повороте непосредственно к естественным наукам как источнику знания.

Эту сложность можно представить в терминах кантовского различия между вопросами факта и вопросами права. В терминах «*quid juris*» он подчеркивает необходимость обоснования тезисов, претендующих на статус знания. Натурализму, возникшему как бунт против критической философии, не занимается поиском этого эпистемологического основания, поскольку он полагается на то, что Кант называет «*quid facti*». Однако необходимо еще показать, как этот подход может обосновать положения, претендующие на статус знания. В качестве примера можно рассмотреть кантовское обсуждение репрезентационного подхода, результатом которого стала демонстрация его нежизнеспособности.

Проблематичным является утверждение, что когнитивные положения объективно схватывают реальность. Кант провел различие между репрезентациональным и конструктивистским подходами к знанию. Сначала формулирует репрезентациональный подход, от которого позже он отказался в пользу конструктивизма, на том основании, что нельзя иметь надежное знание о внешнем независимом от сознания мире, поскольку мы можем знать только то, что в некотором смысле конструируем, создаем или другим образом продуцируем в качестве условия знания.

Все разнообразные формы посткантовского натурализма основываются на каком-то способе репрезентации мира. Но если они принимают кантовский репрезентационизм, они неизбежно сталкиваются со сложностью указания на реальные условия знания, которым они, по

их утверждению, обладают. Хотя во многих аспектах натурализм является антикантианским, он остается кантианским в том, что он опирается на возможность правильной репрезентации мира. И поскольку до сих пор ни Кант, ни кто-либо еще не смог показать, как представить мир, как он есть, я заключаю, что натурализм также не справляется с этой задачей. Таким образом, какими бы прочими достоинствами он ни обладал, как подход к теории знания его следует считать безуспешным.

Перевод Е.В. Востриковой.